

Понятіе шпіонства по иностраннымъ законодательствамъ ¹⁾.

(1810—1911 гг.).

До сихъ поръ, говоря о свѣдѣніяхъ, добываніе, оглашеніе или сообщеніе которыхъ воспрещается закономъ, мы не входили въ разсмотрѣніе существа этихъ свѣдѣній. И ниже, при изложеніи, мы лишь бѣгло остановимся на этомъ вопросѣ, такъ какъ онъ уже разсмотрѣнъ нами въ другомъ мѣстѣ ²⁾.

Настоящей статьей мы дополнимъ сказанное ранѣе, освѣтивъ вопросъ съ другой точки зрѣнія.

Еще *code pénal* интересуется болѣе сохраненіемъ тайны переговоровъ и предпріятій (art. 80), чѣмъ сокрытіемъ отъ государствъ военныхъ тайнъ, въ современномъ значеніи, въ мирное время.

Ко времени изданія *code pénal* (1810 г.) военные люди, очевидно, еще не считали необходимымъ сохранять въ секретѣ многія свѣдѣнія, которыя нынѣ ни въ какомъ случаѣ не допустимы къ оглашенію. Старательно сохраняя тайну переговоровъ и предпріятій, *code pénal* понятію военной тайны придаетъ чисто служебный и притомъ ограничительный характеръ, а именно, военной тайной

¹⁾ См. «Воен. Сб.» № 9.

²⁾ См. «Военная тайна». «Русс. Инв.». 1911 г. № 124.

объявляются такія свѣдѣнія, которыя могутъ обнаружить намѣреніе государства воевать въ ближайшемъ будущемъ. Этимъ характеромъ обладаютъ свѣдѣнія о состояніи укрѣпленій, арсеналовъ, портовъ или рейдовъ. Именно сообщеніе этихъ то «плановъ» и только этихъ плановъ воспрещалъ *code pénal* (art. 81).

Германское уголовное уложеніе 1871 года въ опредѣленіи объекта государственной измѣны путемъ шпионства еще не далеко ушло отъ *code pénal* и это естественно, такъ какъ тѣ данныя, которыя могли служить матеріаломъ при выработкѣ этого уложенія, представляли лишь пробу нарождавшагося нѣмецкаго шпионства. Хотя Штиберъ, окрыленный успѣхомъ развѣдки передъ войной 1866 года, и прилагалъ затѣмъ свои усилія насадить новое шпионство во Франціи; хотя король Фридрихъ Вильгельмъ IV приказалъ ему «держатъ прусское правительство въ курсѣ малѣйшихъ фактовъ, жестовъ или намѣреній принца-президента и ближайшаго его антуража»³⁾, но у прусскаго короля Штиберъ былъ одинъ и, чтобы наладить въ желаемомъ направленіи дѣятельность всѣхъ другихъ агентовъ, потребовались годы ученья.

Германскіе законодатели 1870—71 гг. знали, что военныя свѣдѣнія, получаемыя отъ шпионовъ, не могутъ умѣститься въ узкія рамки, очерченныя *code pénal*, но, очевидно, они не подозрѣвали, что нѣмецкій шпионажъ приметъ тѣ размѣры, съ которыми должны считаться мы.

Обращаясь къ закону, видно, что п. 1 § 92 германскаго уголовного уложенія 1871 года воспрещаетъ сообщать другому правительству или опубликовывать во всеобщее свѣдѣніе государственныя тайны, планы крѣпостей или такіе документы, акты или свѣдѣнія, сохраненіе въ тайнѣ которыхъ отъ другихъ правительствъ необходимо для блага германской имперіи или одного изъ государствъ союза.

Послѣ войны 1870—71 г.г., какъ извѣстно, Франція жила исключительно идеей реванша, о чемъ открыто кричала вся пресса. Германія должна была считаться съ этимъ настроеніемъ своей сосѣдки, принимая, конечно, соотвѣтствующія мѣры; французское правительство было заинтересовано уже не только вопросомъ о томъ, думаетъ ли Германія вновь бросить ему вызовъ, а тѣмъ, чтобы опредѣлить удобный моментъ для успѣшнаго осуществленія завѣтныхъ мечтаній націи.

³⁾ Поль. Январь. Нѣмецкое шпионство во Франціи, стр. 5.

Силою вещей, какъ видно, французскіе шпионы должны были выйти изъ тѣсныхъ рамокъ стараго шпионства на ту же дорогу, по которой шли уже нѣкоторое время ихъ нѣмецкіе товарищи по ремеслу.

Судебная практика вскорѣ же показала германскимъ властямъ, что уложеніе 1871 года безсильно бороться съ этимъ видомъ шпионства. Съ одной стороны, являлась потребность выяснить тѣ условія, при наличіи которыхъ свѣдѣніе (*Nachricht*) должно считаться такимъ, что сохраненіе его въ тайнѣ признавалось бы необходимымъ для блага германской имперіи, а, съ другой стороны, полнѣе охватить всѣ разновидности шпионской дѣятельности.

Первый вопросъ разъясненъ *Reichsgericht* омъ, второй же разрѣшенъ закономъ 3 іюля 1893 года.

12 мая 1884 года *Reichsgericht* далъ германскимъ властямъ могучее средство для контръ-шпионской борьбы. При разсмотрѣніи этого длиннаго и туманнаго рѣшенія имперскаго суда видно, что уже къ означенному году въ Германіи вполне точно были опредѣлены задачи шпионства—доставлять всѣ свѣдѣнія, касающіяся иностранныхъ армій, безъ оцѣнки ихъ военного значенія.

И *Reichsgericht* пояснилъ, къ общему руководству судовъ, что германское уложеніе въ п. 1 § 92, наряду съ сообщеніемъ государственной тайны (*Staatsgeheimniss*) въ собственномъ смыслѣ слова, предусматриваетъ передачу иностранному государству и такихъ свѣдѣній, «тайнственность которыхъ является относительною», т. е. требуется лишь признаніе наличности того, что данное свѣдѣніе не было извѣстно иностранному правительству, а потому подлежало сохраненію отъ него въ тайнѣ. При наличіи указанныхъ условій, для состава преступленія совершенно безразлична степень извѣстности и распространенности свѣдѣнія съ «относительною тайнственностью» внутри Германіи.

Постановленіемъ рѣшенія 12 мая 1884 *Reichsgericht* показалъ большую государственную мудрость: введя понятіе «относительной тайнственности свѣдѣній», онъ далъ судебнымъ властямъ возможность посылать въ каторжную тюрьму (*Zuchthaus*) завѣдомыхъ шпионовъ, виновность коихъ никакъ не вмѣщалась въ рамки закона.

Такимъ образомъ, ко дню 12 мая 1884 года германскій шпионажъ сложился уже въ законченную систему, которая въ дальнѣйшемъ совершенствовалась лишь въ частностяхъ.

Законъ 3 іюля 1893 года и проектъ германскаго уголовного уложенія 1910 года воспрещаютъ передачу другому лицу «до-

кументовъ, рисунковъ и или иныхъ предметовъ, содержаіе въ тайнѣ коихъ». по закону 3 іюля, «требуется интересами государства», а по проекту— «содержаніе въ тайнѣ коихъ требуется благомъ имперіи или какого либо союзнаго государства и въ особенности государственной обороны, или же свѣдѣнія подобнаго рода».

Какъ видно, объектъ преступленія по проекту шире, чѣмъ по закону 3 іюля, и это потому, что законъ 3 іюля касается только военныхъ тайнъ (свѣдѣній съ относительною таинственностью, по рѣшенію Reichsgericht'a), «гарантируя, какъ говорится въ объяснительной запискѣ, по болѣе широкому объему своему, дѣйствительную ихъ защиту»; выдача же тайнъ государственныхъ въ собственномъ смыслѣ слова (Staatsgeheimnis) наказывается и нынѣ по уложенію 1871 года. Сверхъ того, проектъ уложенія упоминаетъ о «свѣдѣніяхъ подобнаго же рода», исправляя тѣмъ неясность закона 1893 года.

Французскій законъ 18 апрѣля 1886 года, установившій наказанія за шпіонство, значительно шире очертилъ объектъ преступленія, чѣмъ германское уголовное уложеніе 1871 года, но еще далеко отъ совершенства позднѣйшихъ нѣмецкихъ законоположеній.

Интересно отмѣтить, что законъ этотъ появился на свѣтъ Божій, когда уже германскіе шпіоны въ достаточной степени обучились своему ремеслу и когда ихъ шпіонство, о чемъ было сказано выше, успѣло сложиться въ опредѣленную систему.

Надо полагать, что столь позднее появленіе закона во Франціи противъ шпіонства можно объяснить непониманіемъ общества всей важности тайной развѣдки и малымъ знакомствомъ съ ея сущностью, благодаря чему нѣмецкіе шпіоны около 20 лѣтъ могли беззащитно извлекать нужныя имъ свѣдѣнія изъ нѣдръ французскихъ канцелярій. Очевидно, работа французскихъ агентовъ оказалась болѣе полезной для нѣмцевъ, чѣмъ для самой Франціи: въ Германіи уже въ 1884 году имперскій судъ, на основаніи судебного матеріала, преподалъ разъясненіе, которое не утратило значенія и до настоящихъ дней.

Французскій законъ 18-го апрѣля воспрещаетъ открывать, сообщать или разглашать «въ цѣломъ или частяхъ, планы, рукописи или секретные документы, имѣющіе значеніе для защиты страны или внѣшней безопасности государства». По точному смыслу закона секретнымъ характеромъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, должны обладать только *документы* (plans, écrits ou documents secrets), п

для состава преступленія *вовсе не требуется, чтобы всѣ свѣдѣнія обязательно были таинственны* ⁴⁾.

Въ этомъ смыслѣ французскій законъ 1886 года совершеннѣе нашего дѣйствующаго, несмотря на то, что послѣдній болѣе поздній.

Своеобразную конструкцію, заслуживающую вниманія, объекту разсматриваемаго преступленія даетъ австрійскій законъ. По дѣйствующему уложенію это— «относящіяся до военныхъ силъ государства или его военной обороны приготовленія и предметы, кои не почитаются и не разсматриваются государствомъ, какъ публичные» (§ 67); по проекту уложенія 1909 года— «факты приготовленія и предметы, кои касаются военныхъ силъ или военной обороны монархіи и не почитаются и не разсматриваются публичными» (§ 126).

Очевидно, что по этому закону область свѣдѣній, воспрещенныхъ къ «вывѣдыванію», весьма обширна, такъ какъ признакъ «секретности» далеко уже «непубличности». Согласно австрійскому закону, иностранный агентъ, изобличенный надлежащими властями въ собираніи самыхъ, казалось бы, неважныхъ свѣдѣній объ арміи, рискуетъ очутиться на каторгѣ на срокъ до 10 лѣтъ.

Къ сожалѣнію, нашъ законъ въ этомъ отношеніи уступаетъ австрійскому.

Италянское уголовное уложеніе (art. 107) перечисляетъ «документы, факты, рисунки, планы и свѣдѣнія, относящіяся до военныхъ матеріаловъ, укрѣпленій или операций», но при условіи, чтобы всѣ указаннныя свѣдѣнія касались безопасности государства и были бы таинственными съ военной точки зрѣнія.

По сербскому закону о наказаніяхъ (§ 85а), сообщенные планы, чертежи и т. п., свѣдѣнія должны «относиться къ войнѣ и военной оборонѣ государства и сохраненіе ихъ въ тайнѣ должно требоваться государственными интересами».

Наконецъ, проектъ швейцарскаго уголовного уложенія 1908 г. говоритъ о «тайнахъ, сохраненіе коихъ внушалось интересами союза». Субъективная виновность даннаго лица, вообще говоря, можетъ быть лишь при наличіи умышеннаго дѣянія, т. е. въ томъ случаѣ, когда субъектъ понималъ смыслъ совершеннаго, предвидѣлъ послѣдствія и сознавалъ противозаконность своего поступка.

⁴⁾ Въ виду этого нельзя согласиться съ мнѣніемъ г. Абрамовича-Барановскаго, что для состава преступленія по французскому закону необходима наличность секретныхъ плана, рукописей или документа. См. «Шпіонство въ марное время во современныхъ законодательствахъ». Право, 1902 г., №№ 16 и 17.

При оцѣнкѣ совершеннаго шпиономъ, особое значеніе приобретаетъ элементъ предвидѣнія послѣдствій его поступка и возникаетъ вопросъ — долженъ ли виновный знать съ несомнѣнностью, что онъ передаетъ военныя тайны и, открывая ихъ, безусловно причиняетъ ущербъ внѣшней безопасности государства, или же достаточно, чтобы онъ только сознавалъ возможность такого вреда. Следовательно, дѣло въ томъ, должна ли наказуемость шпиона зависеть только отъ вины умысленной⁵⁾, или же требуется наличие прямого умысла, т. е. завѣдомость для него ущерба военной обороны государства, причиненнаго его дѣйствіями.

Въ тѣхъ законодательствахъ, гдѣ наказуемость сообщенія секретныхъ свѣдѣній стоитъ въ зависимости отъ наличия прямого умысла, т. е. условія завѣдомости, область примѣненія закона весьма ограничивается, такъ какъ требуется доказать известное состояніе сознания виновнаго, т. е. чисто психологическій фактъ, что представляетъ большія затрудненія.

Казалось бы, что при виртуозности современныхъ агентовъ тайной развѣдки пора стать на трезвую точку зрѣнія и обусловить наказуемость шпионовъ только отъ наличия вины умысленной, тѣмъ болѣе, что, во многихъ случаяхъ, шпионамъ даже возбраняется входить въ качественную оцѣнку добытаго и предписывается докладывать своему шефу всѣ свѣдѣнія, носящія военный характеръ.

Французскій законъ 1886 года глубоко заглянулъ въ темную область нѣмецкаго шпионства и, наказуя за сообщеніе или разглашеніе даже несекретныхъ свѣдѣній (plans, écrits, ст. I, п. I), тѣмъ самымъ исключилъ изъ состава преступления признакъ завѣдомости для обвиняемаго о значеніи передаваемыхъ имъ данныхъ.

Такой же характеръ умысла принялъ итальянскимъ уголовнымъ уложеніемъ и проектомъ швейцарскаго уголовного уложенія.

Австрійскій законъ (дѣйствующій и проектъ), считается только со шпионствомъ въ тѣсномъ смыслѣ слова («кто будетъ вывѣдывать»), а не съ государственной измѣной, обошелъ вопросъ о завѣдомости, обративъ вниманіе лишь на намѣреніе лица, собирающаго свѣдѣнія.

Германское уголовное уложеніе 1871 года, наоборотъ, конструируетъ отвѣтственность за сообщеніе иностранному правительству

⁵⁾ Преступное дѣяніе почитается умысленнымъ не только когда виновный желалъ его учиненія, но такъ же, когда онъ сознательно допускалъ наступленіе послѣдствій, обуславливающихъ преступность сего дѣянія (ст. 48 Уголовнаго уложенія).

свѣдѣній, въ зависимости отъ того, *сознавалъ ли* обвиняемый, что сохраненіе свѣдѣній въ тайнѣ отъ другихъ правительствъ необходимо для блага германской имперіи или одного изъ государствъ союза.

Борьба съ французскими шпионами скоро показала нѣмцамъ пагубность для успѣха дѣла такой точки зрѣнія и приведенное нами выше рѣшеніе Reichsgericht'a исказило смыслъ закона до неузнаваемости, растолковавъ его примѣнительно къ запросамъ дѣйствительной жизни.

Подъ влияніемъ § 92 германскаго уголовного уложенія былъ созданъ въ 1892 году нашъ, незначительно видоизмѣненный, а затѣмъ, нынѣ дѣйствующій законъ, въ которомъ отвѣтственность шпиона поставлена въ зависимости отъ наличия *прямого умысла* (т. е. завѣдомости). Это обстоятельство тѣмъ болѣе прискорбно, что наша судебная практика не имѣетъ руководящаго разъясненія закона, въ столь растяжимомъ смыслѣ, какъ рѣшеніе германскаго имперскаго суда.

Германскій законъ 3-го іюля 1893 года и проектъ уголовного уложенія различаютъ шпионство, въ тѣсномъ смыслѣ слова («кто умысленно и противозаконно добудетъ и узнаетъ») ⁶⁾, и государственную измѣну путемъ выдачи военныхъ тайнъ ⁷⁾.

Тяжесть наказанія за шпионство зависитъ отъ того обстоятельства, съ намѣреніемъ ли передать иностранному государству или же безъ такого намѣренія собиралъ виновный свѣдѣнія. При наказуемости за сообщеніе свѣдѣній принимается во вниманіе—имѣется ли въ наличности прямой умыселъ (завѣдомость) или же только вина умысленная.

За умысленную передачу военныхъ тайнъ, «*съ знаніемъ* того, что черезъ сіе онъ угрожаетъ безопасности германской имперіи» (квалифицированная измѣна путемъ выдачи военныхъ тайнъ), по закону 3-го іюля виновный подвергается каторжной тюрьмѣ на срокъ отъ двухъ до пятнадцати лѣтъ. Простая измѣна путемъ выдачи военныхъ тайнъ («кто умысленно и противозаконно передастъ другому лицу») наказывается заключеніемъ въ тюрьмѣ или крѣпости на срокъ до пяти лѣтъ.

Проектъ германскаго уложенія за умысленную и противозаконную передачу или сообщеніе свѣдѣній, «содержаніе въ тайнѣ

⁶⁾ § 3 и 4 закона 3 іюля и §§ 110 проекта 1910 г.

⁷⁾ §§ 1 и 2 закона 3 іюля и § 108 проекта 1910 г.

коихъ требуется благомъ имперіи или какого либо союзнаго государства и въ особенности интересами государственной обороны» (простая измѣна) опредѣляетъ заключеніе въ тюрьмѣ или арестъ. За квалифицированную измѣну («когда виновный *зналъ*, что черезъ сіе дѣяніе онъ угрожаетъ благу и въ особенности безопасности имперіи или какого союзнаго государства»). — наказаніе каторгой на тѣ-же сроки предположенно сохранить, но при смягчающихъ обстоятельствахъ можетъ быть назначенъ арестъ на срокъ отъ шести мѣсяцевъ до пяти лѣтъ.

Такимъ образомъ, завѣдомость по германскому закону сохранена, какъ отягчающее вину обстоятельство. Логика вещей подсказываетъ, что измѣнникъ знаетъ, какую пропасть онъ роетъ своему отечеству. Конспиративный характеръ сношеній, непонятный языкъ переписки, изученіе шпионскаго ремесла, вполне опредѣляютъ и гинный умыселъ виновника. Конечно, судья, не обладающій юридическимъ смысломъ и не заботящійся о государственной безопасности, сквозь туманъ шпионской хитрости не разсмотритъ истинной сути дѣла.

Германскую точку зрѣнія принялъ сербскій законъ.

Ко всему сказанному слѣдуетъ добавить, что личныя наказанія по нѣкоторымъ законодательствамъ сочетаются съ болѣе или менѣе высокимъ денежнымъ штрафомъ, вѣроятно, для того, скажемъ словами депутата сербской скупщины Мишича, «чтобы виновный зналъ, что семья его не воспользуется плодами его преступленія, а будетъ разорена».

Однако, эти соображенія нельзя признать убѣдительными, такъ какъ нѣкоторыя государства, напимѣръ Германія, хорошо обезпечиваютъ семьи потерпѣвшихъ агентовъ.

Указанными законоположеніями исчерпываются постановленія о государственной измѣнѣ путемъ шпионства въ мирное время.

Но, само собою разумѣется, что государственная власть должна стремиться къ предупрежденію шпионства и пресѣченію преступной дѣятельности. До изданія французскаго закона 1886 года мы не встрѣчаемъ вовсе постановленій, направленныхъ къ обезпеченію военныхъ и государственныхъ тайнъ, каковое обстоятельство должно найти себѣ объясненіе въ характерѣ стараго шпионства и въ недостаточномъ еще развитіи современной его системы.

Нынѣ же многія изъ извѣстныхъ намъ законодательствъ большое вниманіе удѣляютъ мѣрамъ предупредительнаго характера и это понятно, такъ какъ зло, во первыхъ, нужно пресѣкать въ началѣ,

а, во-вторыхъ, назрѣла нужда въ принятіи мѣръ для борьбы со шпионствомъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

Прежде всего, конечно, необходимо озаботиться надлежащимъ сокрытіемъ тайнъ, для чего должно строго наказывать лицъ, коимъ онѣ ввѣрены, за небрежное, неосторожное или нерадивое храненіе ихъ.

Согласно высказанному принципу, арт. 4 французскаго закона 1886 года караетъ тюремнымъ заключеніемъ отъ 3-хъ мѣсяцевъ до 2-хъ лѣтъ и штрафомъ отъ 100 до 2.000 марокъ того, кто, по небрежности или по невѣдѣнію правилъ, допустить передачу, похитить, захватить, или уничтожить планы, рукописи или секретные документы, которые ему были ввѣрены по службѣ, положенію, профессіи, или по особому порученію.

Германскій законъ 1893 года, § 7, и проектъ уложенія § 109 также наказываютъ того, кто, по нерадѣнію, допустить передачу или сообщеніе другому лицу секретныхъ предметовъ и свѣдѣній, ввѣренныхъ ему по службѣ или сдѣлавшихся доступными ему въ силу его служебнаго положенія или порученія.

Отечественное уложеніе о наказаніяхъ угол. и исправ. 1885 г. содержитъ соответствующее положеніе (425), но, къ сожалѣнію, оно совершенно забыто или неизвѣстно лицамъ, отъ власти коихъ зависитъ привлеченіе къ уголовной отвѣтственности виновныхъ лицъ. А между тѣмъ, при нашей болтливости, безпечности и нерадѣніи о сохраненіи ввѣренныхъ тайнъ, одинъ-два случая примѣненія этой статьи закона оказали бы надлежащее дѣйствіе. Нужно помнить, что разъ мы запремъ секреты въ недосыгаемые шкафы, изъять ихъ оттуда не представится возможности, чѣмъ, конечно, будетъ значительно сокращена обильная жатва шпионовъ въ предѣлахъ нашей родины.

Могъ-ли бы, спросимъ мы, Поваже нанести столь существенный вредъ военно-морскимъ интересамъ Россіи, если бы самыя секретныя работы въ типографіи Главнаго Морскаго Штаба не оставались по нѣскольку дней на рукахъ у подмастерьевъ и не хранились бы въ шкафу, доступъ къ которому имѣли всѣ служащіе⁸⁾?

Проникновеніе въ укрѣпленное мѣсто, постъ или военный корабль, или въ военное или морское учрежденіе при помощи уловокъ (*déguisement*), подъ ложнымъ именемъ, или скрывъ свое званіе, профессію или національность, предусматривается арт. 5 француз-

⁸⁾ См. «Дѣло о шпионствѣ». Рѣчь, 1911 г., № 80.

скаго закона 1886 года. § 8 германскаго закона 1893 года говорить о томъ, кто, вопреки изданнымъ военною властью и распубликованнымъ распоряженіямъ, вступить въ укрѣпленные районы расположенія сухопутныхъ или морскихъ войскъ, на военные корабли и суда или на поле военныхъ испытаній или упражненій.

§ 112 проекта германскаго уголовного уложенія воспрещаетъ пребываніе *съ цѣлью государственной измѣны* въ сухопутныхъ или морскихъ крѣпостяхъ или укрѣпленномъ расположеніи, или въ окрестности на десять километровъ отъ послѣднихъ, или въ иныхъ сухопутныхъ или морскихъ расположеніяхъ, или на военномъ суднѣ, или въ предѣлахъ германскихъ территоріальныхъ водъ. Однако, для наказуемости за перечисленные дѣйствія необходимо еще, чтобы виновный ложно заявилъ подлежащей власти или подлежащему военному лицу о своемъ имени, состояніи, профессіи, мѣстѣ жительства или подданствѣ.

Германскій законъ 1893 года, § 5, и проектъ уложенія § 111, наказываютъ соглашеніе нѣсколькихъ лицъ на измѣну или шпионство, пока еще не послѣдовало исполненіе задуманнаго или наказуемаго покушенія. Сверхъ того, германскій законъ 1893 года наказываетъ тюрьмою недоносителя властямъ (§ 9), имѣвшаго достоверныя свѣдѣнія о замыслѣ шпионства или измѣны въ то время, когда еще возможно было предупредить совершеніе преступленія.

Французскій же законъ 1886 года, art. 9, недоносителя и укрывателя считаетъ за соучастниковъ виноватаго.

Art. 6 послѣдняго закона, равно какъ сербскій законъ о наказаніяхъ, § 344а, и италіанское уложеніе, ч. I, art. 110, воспрещаютъ, безъ надлежащаго разрѣшенія, съемку плановъ, дѣланіе кроки или топографическія работы (opérations) вблизи укрѣпленныхъ или иныхъ, имѣющихъ военное значеніе, мѣстъ.

Австрійскій законъ (§ 128) воспрещаетъ держать почтовыхъ голубей въ цѣляхъ шпионства, а сербскій (§ 85 в.) сверхъ того и предпринимать какія-либо мѣры для извѣщенія иностранной державы или ея агента о военной оборонѣ государства. Изъ объяснительной записки къ сербскому закону видно, что указанный § имѣетъ въ виду содержаніе почтовыхъ голубей съ той же цѣлью, а вмѣстѣ съ тѣмъ и «всякія другія предпріятія путемъ организаціи почтовой, телеграфной и телефонной агентуры и другихъ способовъ сообщенія иностранному государству свѣдѣній объ оборонѣ шифромъ или инымъ способомъ».

Разсмотрѣвъ иностранныя положительныя законодательства по вопросу о шпионствѣ за сто лѣтъ, можно сдѣлать нѣкоторые выводы. По тѣмъ признакамъ, которые запечатлѣлись въ различныхъ законахъ, видно какъ измѣнились взгляды на суть шпионства.

Подготавливая Франко-Прусскую войну, нѣмцы ставили своимъ агентамъ уже довольно широкія задачи, но сколь широка ни была эта постановка шпионства, она съ теченіемъ времени оказалась узкой и въ настоящее время тайная развѣдка задается лишь общими цѣлями—слѣдить за военнымъ дѣломъ даннаго государства въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Можно положительно утверждать, что нынѣ нѣтъ такого факта въ жизни иностранныхъ армій, который бы не интересовалъ шпионовъ. Наказуемость за сообщеніе иностраннымъ правительствамъ или ихъ агентамъ только секретныхъ свѣдѣній уже не можетъ считаться сколько нибудь соответствующею положенію вещей. Кажется, настало время, когда, оцѣнивая преступленіе шпионства, нужно болѣе обращать вниманія на свойства умысла даннаго лица, чѣмъ на результатъ его дѣйствій.

Вотъ почему по нѣкоторымъ законодательствамъ наказуемымъ является уже не только сообщеніе иностраннымъ правительствамъ всѣхъ свѣдѣній, не только секретныхъ, но даже одно лишь соглашеніе на шпионство.

Теоретическая мысль также подчеркиваетъ это направленіе злой воли преступника и знаменитый профессоръ Листъ говоритъ, что государственная измѣна (шпионство) отличается отъ другихъ государственныхъ преступленій наличиемъ соглашенія съ иностраннымъ правительствомъ или его агентами.

Самое понятіе военной тайны потерпѣло коренное измѣненіе. Будучи строго ограничена по *code pénal*, военная тайна въ наше время, по ученію германскаго права, охватываетъ всѣ распоряженія, касающіяся арміи, и уже не можетъ быть охарактеризована формальнымъ признакомъ. Конечно, германскія идеи необходимо намъ, русскимъ, имѣть въ виду, чтобы правильно оцѣнить работу тайныхъ развѣдчиковъ германской арміи. Поучительна для насъ также французская точка зрѣнія, такъ какъ она выработалась непосредственно подъ давленіемъ германскаго шпионажа.

Однако, чтобы сохранить въ тайнѣ военные интересы государства, недостаточно одѣхъ лишь административно-предупредительныхъ и уголовно-карательныхъ мѣръ, предпринимаемыхъ прави-

тельствѣ. Нѣтъ такой тайны, которая бы не была извѣстна болѣе или менѣе обширному кругу военнослужащихъ. Близкое знакомство съ существомъ иностраннаго шпіонства подскажетъ намъ тѣ принципы, придерживаясь которыхъ, только и можно избѣгнуть эксплуатаціи пронырливыхъ агентовъ.

Долгъ передъ родиной обязываетъ каждаго офицера вдумчиво относиться ко всѣмъ свѣдѣніямъ, касающимся арміи.

А. Ревановъ.

